

Содержание

Предисловие	6	Охота на лося (Л. Сабанеев)	128
ОХОТА НА ПТИЦ	7	Охота на медведя (А. Ширинский-Шихматов)	134
Охота на гусей (Л. Сабанеев; Н. Романов)	8	Охота на лисицу (Л. Сабанеев)	144
Утиная охота (С. Аксаков; А. Савельев)	30	Охота на зайца-беляка (С. Аксаков)	152
Охота на глухаря (Н. Зворыкин; Л. Сабанеев)	38	Охота на барсука (А. Черкасов)	162
Охота на тетерева (Л. Сабанеев)	52	Охота на косулю (Л. Сабанеев)	168
Охота на рябчика (Л. Сабанеев)	64	РУССКАЯ РЫБАЛКА	173
Охота на перепелов (С. Аксаков)	74	Мирные рыбы (С. Аксаков; Л. Сабанеев)	174
Охота на вальдшнепа (Л. Сабанеев)	90	Хищные рыбы (Л. Сабанеев)	220
ОХОТА НА ЗВЕРЕЙ	95	Примечания	253
Охота на волка (А. Черкасов; Н. Зворыкин; Л. Сабанеев)....	96	Указатель произведений	254
Охота на кабана (А. Черкасов; Н. Толстой)	118		

Предисловие

Охота в Ропше. Н. Е. Сверчков. 1857

Ушла в прошлое знаменитая многолюдная русская охота, с бешеным галопом коней и многоголосым лаем собак, но в душе настоящих мужчин все еще живет первобытный азарт охотника, который требует преследовать и настичь зверя, выйти победителем и вернуться с добычей

Повадки добычи, местность, погода, приманки — множество факторов влияют на успех охоты и рыбалки, но настоящее знание приходит только с опытом. А привал после успешной охоты — самое лучшее время поделиться опытом и получить заслуженное восхищение молодых

Охотится на Руси начали еще исстари — в X веке и ранее. Безусловно, немного осталось свидетельств древней и средневековой охоты, однако история покорения дикой природы русскими охотниками-любителями и промышленниками-профессионалами находит свое отражение не только в охотах XIX века, но и в современных их видах. В этой книге собраны одни из лучших произведений классической русской литературы, посвященных этому роду занятия: очерки известных любителей охоты, выдержки из работ, написанных учеными-зоологами и видными государственными деятелями, чье увлечение охотой стало для них едва ли не главным занятием в жизни. Великий князь Николай Николаевич Романов (младший) основал Першинскую великокняжескую охоту, где были выведе-

нены першинские русские борзые, считавшиеся образцовыми. Князь Андрей Александрович Ширинский-Шихматов был знатоком медвежьих охот и разработал стандарты лаек. Труды, посвященные охоте и рыбалке, Сергея Аксакова, Леонида Сабанеева, Александра Черкасова практически в полном объеме могут быть полезны охотникам и в наши дни. Дикая и хищная природа волка и медведя, токование тетеревов или тяга вальдшнепов подчиняются законам природы, которые едины для всех и неизменны на протяжении столетий. И так же как и охотников XIX века, современных любителей различных видов охот привлекает в этом занятии романтика: единение с природой, возможность прикоснуться к тайнам жизни диких животных, преодолеть свой страх и узнать пределы сво-

их возможностей. Объединяют охотников последних трех столетий и сами способы охоты, которые за это время практически не изменились. Охота на медведя в берлоге, охота на волка с флагами, охота на лис и зайцев с гончими, стрельба глухарей на току или пролетных уток в начале осени — все это, как 100 и 200 лет назад, проделывают и современные охотники. С не меньшим, а может быть, и большим азартом выслеживают они лося по следу на снегу, любуются красотой тетерева в лучах рассветного солнца и выуживают огромного сома на берегах Нижней Волги.

Охота на птиц — сложное и опасное дело, требующее значительных усилий, терпения, находчивости и знаний. Чтобы увидеть желанную дичь, охотник преодолевает большие расстояния, проводит немало времени в засаде

ОХОТА НА ПТИЦ

Охота на гусей

Заход солнца над озером. Е. Е. Волков. Конец XIX – начало XX века

Еще в начале августа, иногда в конце июля местные гуси, до того времени таившиеся вместе с молодыми в прибрежных камышах озер и речек, собираются в стаи и начинают летать на пашни

Леонид Сабанеев

Пролет гусей

I

Еще в начале августа, иногда в конце июля местные гуси (принадлежащие к обыкновенной породе гуменников), до того времени таившиеся вместе с молодыми в прибрежных камышах озер и речек, собираются в стаи и начинают летать на пашни — исключительно овсы и горохи. Здесь иногда подстерегают их или подползают к ним, но охота эта редко бывает удачна: место-

вая птица слишком чутка и осторожна; молодые гуси не уступают в том старым, без которых не бывает ни одной стаи, состоящей обыкновенно из двух-трех выводков.

Настоящая охота на гусей начинается гораздо позднее — в последних числах августа, когда появляются первые пролетные серяки. Пришлецы эти всегда держатся отдельно от местных гусей,

не смешиваются с последними, и привычный глаз охотника всегда сумеет отличить коренных гуменников от стоялой пролетной птицы. Последняя летает иногда сотенными стаями, ходит и плавает заметно труднее, и перелеты ее на ночлег и кормежку далеко не имеют такой правильности: она ле-

Стога в пейзаже. И. П. Похитонов. 1881

Настоящая охота на гусей начинается в конце августа, когда появляются пролетные серяки. Они, так же как и местные гуси, начинают летать на поля, но всегда держатся поотдаль от последних. Опытный глаз охотника легко отличает стоялую птицу от местовой и этим обеспечивает себе успех в гусяной охоте

тает зря, как говорят тамошние охотники. Между тем местовая птица, если ее не беспокоят, летает всегда на одни и те же поля и ночует постоянно на одном и том же озере. Конечно, и пролетные гуси, раз-другой побывавшие в переделках, уже не станут подпускать ни в телеге, ни на вершине (то есть верхового), тем не менее, несмотря на то, что они редко проводят на озерах более недели, их убивается несравненно более, нежели коренных гусей. Последние на открытом месте редко подпустят охотника с ружьем и на 150 шагов.

Большую часть дня как пролетные, так и местные серяки проводят на полях. Задолго до восхода солнца, едва забрежит восток, выплывают они из камышей, с криком и гоготаньем поднимаются на воздух и длинной вереницей летят на высоте больших деревьев в поле, почти всегда <на> овсы, реже горох, еще реже пшеницу,

почти никогда на рожь и ярицу. А так как за поздним севом, недостатком рабочих рук и большими запашками страда затягивается иногда до начала, даже середины сентября, то первое время гуси непременно садятся прямо в хлеб и только в сентябре выбирают такие пашни, где хлеб еще лежит в суслонах¹ и не свезен в клады. На голом жниве их заметишь редко, разве перед самым отлетом.

Во всяком случае каждая стая гусей выбирает местом кормежки самые уединенные, наиболее отдаленные от жилья пашни и, как только начинается здесь уборка, выбирает себе новую, не менее пустынную местность, иногда верст за десять от прежней. Но если их никто не трогает и не стреляет, то серяки не особенно смущаются близостью жнецов и очень долго летают кормиться на одной и те же десятины. Горе тогда беспечному хозяину: стая гусей, повадившаяся летать на одно поле, уничтожает овсы на огромном протяжении. При виде этой помятой и потоптанной нивы, при взгляде на эту массу сломанных и обсыпавшихся колосьев с первого раза покажется, что не стая птиц, а целое стадо рогатого скота или табун лошадей произвел это опустоше-

В кочках. А. И. Мещерский. 1889

Перелетные гуси проводят на полях все утро и весь вечер. Там они кормятся до отвала, после чего летят на воду отдыхать и переваривать солидные порции гороха или овса. Поэтому на озерах их можно встретить или в полдень, или в ночное время

ние. Разумеется, гуси не столько съедят хлеба, сколько примнут и осыпят его, тем не менее зачастую бывает, что целые поля, не стоящие жатвы, так и остаются неубранными. С этой точки зрения гуси еще вреднее уток, питающихся зернами, и несравненно безобиднее казарок, которые застают уже убранные поля и довольствуются тем, что подбирают упавшие семена и колосья. Редкие из них отеребливают² верхний сноп суслона, до которого не достают и их длинные шеи.

Около 9 часов, иногда позднее, битком набивши зоб и пощипавши поблизости травки или свежей озими, насытившиеся гуси возвращаются обратно на озеро и плавают здесь часу до 3-го, редко, впрочем, заплывая в камыши. В полдни почти всегда замечаешь их на середине озера и только в уединенных глухих курьях, то есть заливах, можно издали наблюдать серяков на песчаных берегах, совершенно открытых, лишенных и малейшего следа какого-либо кустика. Пополоскавшись в воде, наглотившись песку, отдохнув в безопасном месте и переварив все невероятное количество проглоченной ими пищи, гуси снова летят на облюбованное ими поле и возвращаются на озе-

Закат на болоте. Ю. Ю. Клевер. 1898

На ночлег с полей пролетные гуси возвращаются только с последними лучами заходящего солнца, когда остальные пернатые уже давно погрузились в сон. Они садятся сначала на середину озера, а затем, прислушиваясь к подозрительным звукам, плывут в камыши. Там их уже могут ожидать силки или охотник на лодке

ро только поздним вечером, при последних отблесках потухающей зари. Темные силуэты кустарников во мраке осенней ночи почти сливаются с очертаниями камышей и со стеною желтой нивы, деревья принимают самые причудливые формы, а гуси все еще не покидают поля.

Однако вечером они вовсе не кормятся с такою жадностью, как утром, и притом еще осторожнее. В это время нередко можно видеть, как стаи гусей бродят по лугу, пощипывая траву, или, лежа на брюхе, отдыхают тут в прилич-

ном отдалении один от другого, так как в противоположность казаркам серяки очень драчливы. Они никогда не ходят так трудно, как первые, и на земле всегда замечаются длинной вереницей, так что в поле редко удается убить более пары на один выстрел.

Но вот все царство пернатых уже покоится в глубоком сне; ночная мгла все более и более обволакивает окрестные предметы, и лишь последние лучи догорающей зари бросают слабый свет на гладкую, как зеркало, водную поверх-

ность. Стаи гусей летят на ночлег. Со сдержанным гоготаньем осторожно садятся они на середину озера, постепенно, приостанавливаясь при каждом подозрительном шорохе, подплывают к камышистым берегам и наконец вступают в курьи, со всех сторон обрамленные высокою стеною камышей. Здесь нередко ждут их силъя, не шелхнувшись поджидает охотник, укывший

В поле. Ю. Ю. Клевер. Конец XIX – начало XX века

Безусловно, пролетные серяки выбирают для своей кормежки такие пашни, которые наиболее удалены от жилья человека, и часто улетают в поисках новых полей, как только на их место приходят жнецы и начинается уборка. Повадившись летать на одни и те же поля, гуси способны нанести значительный урон урожаю

свой утлый челнок в густой листве пожелтевшего камыша или темно-зеленой чаще тростника, а не то, дрожа от холода, по пояс в воде осторожно бредет к ним ярый промышленник.

Впрочем, человек со своим огнестрельным оружием и силами не единственный опасный враг для гуся. Несмотря на свою величину и силу, по-

следние нередко делаются добычей, разумеется, днем, беркутов, кречетов. Только одни эти хищники могут справиться с серяком, и редкий ястреб осмеливается напасть на него. Даже орел-белохвостик, по-видимому, не может один на один справиться с гусем. На одном из озер, ближайших к Уралу, я застал однажды развязку борьбы гуся с белохвостиком.

Несколько раз последний намеревался схватить сильную птицу, и каждый раз могучие удары ее крыльев обращали в бегство трусливого хищника. Наконец, когда оба соперника, измученные и общипанные, отдыхали в нескольких шагах один от другого — один на

ОХОТА НА ГУСЕЙ

Сумрачный день. И. И. Левитан. Живье. 1890-е

Охота на местных гусей редко бывает добычлива, так как они очень осторожны и чутки. Обычно к местовым подползают на пашнях, куда те начинают летать целыми стаями в конце августа. В каждой стае присутствуют молодые гуси, однако и они проявляют большую осторожность и не подпускают охотника

воде, другой на берегу, — откуда ни возмись огромный беркут: свистя полусложенными крыльями, как молния, спустился он с высоты и со всего маху ударил усталую птицу.

Еще больше донимают гусей соколы, которых гусь и казарка боятся всего более. Впрочем, большие соколы — кречета — здесь довольно редки,

и только осенью, именно в пролет гусей, вылетают они в степь и на озера из Кыштымского Урала, особенно с берегов Уфы и Чусовой, где гнездятся. Не один раз случилось мне видеть, как сильный и смелый хищник летит наперерез стае и, когда гуси придут в смятение и, тревожно гогоча, начнут разлетаться, стрелой падает с высоты и убивает избранную жертву, иногда еще и другую, но уже из-под низу. На очень большую

стаю, летящую в строгом порядке, по-видимому, и кречет нападает очень редко. По крайней мере, охотники рассказывают, что подобная смелость редко обходится кровожадному хищнику даром. Что же касается обыкновенного сокола и балобана, а также большого ястреба, то они здесь, по-видимому, бьют только одиночных отбившихся гусей и ловят исключительно мелкую казарку и уток.

II

Между тем как пролет гусей совершается с большою постепенностью, почти незаметно для человека, не знакомого с местностью и обычными перелетами местных гусей, казарки, напротив, летят необычайно дружно, и пролет их на озерах производит поражающее впечатление. Стая за стаяй, не только всю ночь, но и целый день, летят казарки, тронувшиеся с пустынных островов Оби, где гнездятся общественно — тысячами, подобно чайкам на Волге и здешних озерах.

Еще в последних числах августа показываются первые пролетные казарки, но эти передовые стаи малочисленны, летят в далекой выси и редко спускаются на пашни и озера. Без сомнения, это — птицы, но можно сказать утвердительно,

что, например, белолобая казарка гнездится не только в Верхотурском уезде³, где я сам встречал ее летом, но и в смежном Камышловском уезде⁴, под 56° с. ш., почти под одной широтой с Московской губернией, то есть там, где гнездование их было немыслимо и в прежние, далекие времена.

Но все это только предвестники наступающего валового пролета, о громадности которого среднерусские охотники не имеют и понятия. Даже пролет гусей на Волге дает только слабое понятие об этой массе гусей, летящих с гнездовьев к южным берегам Каспия и южные страны Азии. И это только крайние колонны необъятного потока летящей птицы, захватывающего в ширину несколько сот, более тысячи верст. Этот широкий путь

птицы, летящей с северных окраин Западной Сибири, дробится на несколько главных и множество второстепенных, куда принадлежат и цепи екатеринбургских и шадринских озер. Главная же масса птицы тянет гораздо далее к востоку, следуя берегам Оби, Тобола и Иртыша. В верховьях этих рек, в пустынных Киргизских степях, пути пролета сливаются, но разбиваются в высоких горах Средней Азии.

Главные пути остаются без изменений, но направление второстепенных меняется через более или менее значительные промежутки времени,

На Волге под Симбирском. М. К. Клодт. 1881

Пролет именно казарок — одной из гусиных пород — производит необычайное впечатление как на охотников, так и на простых жителей. Они летят очень дружно, стая за стаяй, в одно и то же время, всю ночь и весь день. Путь их начинается на островах Оби, где они, подобно чайкам на Волге, гнездятся тысячами

ОХОТА НА ГУСЕЙ

Вечер. Перелет птиц. А. К. Саврасов. 1874

Огромная численность перелетных птиц, летящих с северных окраин Западной Сибири, захватывает в ширину более тысячи верст. Этот нескончаемый поток дробится на несколько главных и множество второстепенных путей. Главная масса птиц проходит ближе к берегам Оби, Тобола и Иртыша, затем в Киргизских степях и горах Средней Азии

а также меняются и станции — места отдохновения и корма летящей птицы.

Настоящий, валовой, пролет немых казарок всегда начинается в первых числах сентября, около Рождества Богородицы (8 сентября*) и продолжается два-три дня, редко

более; затем количество пролетных стай сразу уменьшается, и после Воздвиженья (14 сентября) до Иванова дня (26 сентября), иногда до Покрова (1 октября) замечаются только запоздалые стаи и отсталые птицы. Вообще пролет немых казарок немного значительнее пролета серых гусей, с которыми они довольно сходствуют образом жизни: чаще дру-

гих казарок замечают на воде, редко ночуют в поле, ходят далеко не так трудно и осторожнее последних.

Немного позднее, всего на несколько дней, впрочем, почти никогда ранее первых сентябрьских пасмурных и ветреных ночей, показывается белолобая казарка — лысушка, плешивка приозерных охотников и рыбаков и малые немки.

* Даты приведены по старому стилю.

Последние, однако, несравненно многочисленнее белолобых казарок, которые с некоторыми более или менее значительными перерывами, зависящими от состояния погоды и направления ветра, летят сотенными стаями в течение двух недель. Позже всех казарок летит мелкая казарка — пискулька, самая многочисленная и долее всех остающаяся на озерах. В середине сентября в туманную погоду и ненастье, ночью и ранним утром всюду, со всех сторон слышится ее звонкий безумный крик, прерываемый иногда менее пронзительным гоготаньем лысушек, еще реже хриплым криком запоздалых немых гусей. Прочие породы гусей здесь весьма редки, по-видимому, появляются случайно и то большею частью на весеннем пролете. Таковы белые полярные гуси и красношеяя казарка, впрочем, более обыкновенная далее

к югу, на озерах Челябинского уезда⁵, уже в пределах Оренбургской губернии.

Независимо от последовательности пролета вышеназванных пород казарок как сила пролета, так и продолжительность остановок, в свою очередь, зависят исключительно от состояния погоды. Самый развал пролета бывает в самую дурную погоду, дождь и слякоть, иногда даже мокрый снег, годами выпадающий здесь в середине сентября, хотя ненадолго. Хорошо, если ненастье непродолжительно, — тогда усталые, голодные и, быть может, еще нигде не отдохавшие стаи, предчувствуя ясную погоду, жадно бросаются на жнивья, массами спускаются на луга, садятся на озера. Но вместе с наступлением этих ясных дней затихает и самый пролет: почти вся казарка останавливается там, где ее настиг канун ясных дней, и трога-

ется опять-таки накануне ненастья. Немногие продолжают безостановочно свой далекий путь и длинными вереницами тянутся высоко над землею, откуда уже едва доносится их звучный крик.

Напротив, весьма легко отличить те стаи, которые намереваются спуститься в окрестностях, хотя бы и за несколько десятков верст⁶ далее. Полет их уже более или менее низок, не имеет прежней силы и стремительности; они летят не прямо на юг или юго-запад, а иногда почти в обратном направлении; они не имеют уже такой правильности в расположении и нередко именно перед самым спусканием на землю

Камыши на реке. В. Д. Орловский. Вторая половина XIX – начало XX века

В силки гусей ловят исключительно по осени, так как весной их пролет незначителен и краток. Водяные птицы оставляют в камышах своеобразные тропинки, где и устанавливаются силки. Именно в таком положении, на прогалинах среди камышей, они имеют наибольшие шансы принести охотнику хороший улов

Дождь. И. И. Эндогуров. Вторая половина XIX века

Белолобые казарки самый массовый и активный пролет совершают в плохую погоду — дождь или мокрый снег. Перед началом периода хорошей погоды они массово садятся на луга и озера, бросаются на жнивья. А накануне нового ненастья казарки снова отправляются в путь

сбиваются в беспорядочные кучи, кружатся на одном месте, как бы выбирая себе удобный ночлег и стоянку. И теперь еще в иные годы на ограниченном пространстве нескольких десятин можно встретить по 10–20 стай, по 50–150 особей в каждой. Всего труднее летят и вместе с тем всего многочисленнее стаи мелкой казарки-пискульки — самой глупой и смиренной из всех своих сродственников. Промышленнику нередко удается свалить из своего харчистого, далеко-

бойного, хотя и далеко не приглядного ружьишка, зараз до десятка этих доверчивых птиц — и все-таки стая отлетает на недалнее расстояние и еще не один раз подпускает охотника с подъезда. Отсталые и заблудившиеся пискульки чаще всех пристают к стаям домашних гусей и тогда подпускают на несколько шагов.

Оставляя, однако, на время в стороне собственно описание разнообразных и крайне утомительных способов охоты, которые навряд ли соблазнят избалованного ружейного охотника с легавой собакой, — все эти охоты с подъезда, в телеге и на вершине, с загоном, ползком, ночную стрельбу в камышах, в лодке и бродом,

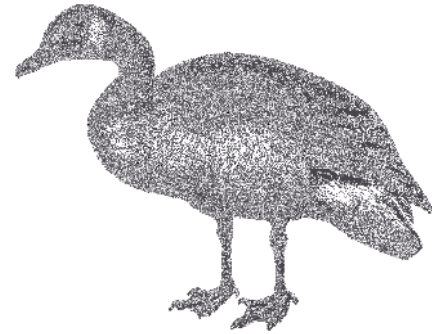
наконец, ловлю сильями, — мы сделаем теперь краткий очерк осеннего образа жизни казарок.

Все породы казарок редко подолгу стоят на одном месте, чем резко отличаются от пролетных гуменников; они, видимо, торопятся своим отлетом в теплые края, почти никогда не кормятся более трех дней кряду и при первом попутном ветре (то есть северном и северо-западном, дующим им в спину) продолжают свой далекий путь и останавливаются снова за многие сотни верст далее к югу. От таких продолжительных перелетов, которые длятся по нескольку дней, от неустанного махания крыльями и, быть

может, других болезненных условий у многих под крыльями замечаются как бы круглые вздутия — желваки, или моzoли, как называют их каслинские промышленники. Однако я не видал этих наростов и ничего не могу сказать о них, хотя не один раз замечал казарок, весьма тяжело поднимавшихся с земли, не иначе как после довольно продолжительного разбега и взмахивания крыльями, и находившихся всегда в хвосте колонны на некотором расстоянии от нее. Другим охотникам иногда случалось не

только стрелять таких больных казарок, но и настигать их и ловить руками. Но, конечно, большая часть подобных индивидуумов становится добычей хищных птиц, особенно соколов. Далее к востоку, в Шадринском уезде⁷, многие башкирцы держат для охоты на уток и казарок ученых ястребов и соколов, но я мало знаком с этого рода охотой и не могу сказать о ней ничего нового. Не следует, однако, что казарки, столь общежительные и миролюбивые птицы, особенно боялись ученых и диких хищных птиц.

*Канадская казарка.
Иллюстрация из Энциклопедического словаря Мейера. 1897*

Все пролетные казарки, в отличие от пролетных гуменников, никогда не кормятся дольше трех дней и после этого отправляются в дальнейший путь при первом же попутном ветре, то есть северном или северо-западном

Конец охоты. И. М. Прянишников. 1884

Казарки иногда подпускают к себе охотника, прямо на них идущего. Еще ближе позволяют они приблизиться собаке, которая, вероятно, напоминает им заклятого врага — песца, разорителя гнезд и главного истребителя линяющей птицы в необитаемых тундрах

На большую стаю казарок соколы нападают редко, и бывали примеры, что казарки забивали до смерти хищника, спустившегося на землю вслед за убитой им птицей. Башкирцы говорят, впрочем, что сокола при виде угрожающей им опасности дают тягу, а не то будто бы прячутся под крылом убитой казарки и под этой защитой храбро выдерживают нападение.

Кроме этого согласия и дружелюбия, казарки отличаются от гусей также и тем, что никогда почти не ходят гуськом, как последние, а плавают и пасутся в поле очень трудно, один подле другого, почти кучей, особенно пискулька, которая и летит более неправильной массой, даже теснее уток. Притом все породы казарок, не говоря о последней, гораздо смиреннее гусей, изредка подпускают на выстрел пешего охотника, прямо на них идущего, и случается иногда, что не только не удаляются от него и не слетают, но останавливаются как бы при виде незнакомого животного, возбудившего